

Пресвятая Богородица, спаси нас!

ГОСТИНО, Богородское тожд

Газета Богородицерождественского храма г. Королёва

Храм создан в 1689 г. Разрушен в 1954 г. Возрожден в 2005 г.

Издается по благословению Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия

№5 (43), май 2012 г.

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Сегодня праздник Вознесения. Мы вспоминаем совершенно особое событие в Евангельской истории, которое завершает пребывание на земле Господа и Спасителя. После Своего Воскресения, много раз являясь святым апостолам, показывая им Свои изъязвленные руки, ноги и ребра, вкушая вместе с ними пищу, уча их тайнам Царствия Божия, Господь в какой-то момент покидает учеников. Происходит это особым образом: на горе Елеонской, недалеко от Вифании, Его восхищает облако, как мы только что слышали это из книги Деяний. И ученики понимают, что видимым образом их Учитель возносится — возносится на Небо.

Зачем Господу нужно было возноситься наверх, ведь Он как Бог вне времени и вне пространства? Если бы Он пожелал удалиться видимым образом из человеческой истории как Иисус Христос из Назарета, то Ему достаточно было стать невидимым, тем более что Он становился невидимым после Воскресения много раз, покидая таким образом учеников. Конечно, все это было возможно для Бога. Но в самом акте Вознесения заключен огромный смысл. Во-первых, это окончание земного пребывания Господа, ибо если бы Он сделался невидим, то это могло бы повлечь опасные для жизни первой христианской общины последствия. Ведь еще до Своей смерти Господь говорил, что настанут времена, когда многие будут говорить «здесь Христос» или «там Христос» и что «Он спрятан в потаенных комнатах»; и присовокуплял Господь к этому: «Не верьте, так не будет» (см. Мф. 24, 23-26). И чтобы никто никогда не мог сказать «здесь Христос» или «там Христос», Господь видимым образом покидает учеников, покидает этот видимый мир.

И есть еще что-то очень значительное в этом моменте Вознесения. В жизни Господа не было человеческой славы. Только один раз, когда Он шел на Свои страдания в Иерусалим, тогда люди, пораженные тем, что Он воскресил умершего Лазаря, встречали Его как Победителя, кричали «Осанна Сыну Давидову», постилали свои одежды (см. Мф. 21, 8-9). Но то была суетная, человеческая честь и слава, и Господь, как мы знаем, не принял этого поклонения. Он не стал участвовать в этом человеческом торжестве, зная его суетность и то, как скоро пройдут настроения людей: те, кто прославлял Его в этот миг, через несколько дней потребуют у Пилата Его казни.

А вот завершение Евангельской истории — это и видимый триумф; это видимая победа Спасителя. В момент Воскресения никого не было в гробовой пещере, апостолы видели только знаки Воскресения, но самого Воскресения — факта восстания Спасителя из мертвых — не видел никто, это была Божия тайна. Конечно, была явлена вся Божественная сила и слава восстающего

Икона Вознесения Господня из иконостаса Богородицерождественского храма г. Королёва

от гроба Спасителя, но не дано было видеть эту славу роду человеческому. Но ведь вся Евангельская история завершилась триумфом, победой. Все цели были достигнуты: род человеческий искуплен, диавол повержен, зло растоптано. Бог побеждает вместе с человеком во Иисусе Христе, и видимым выражением этой славы Спасителя, этой Богочеловеческой Победы и стало Вознесение Спасителя вместе с Телом: Бог и Человек в единой Личности Богочеловека Иисуса Христа совершил это спасение.

Когда апостолы стояли, пораженные этим зрелищем, к ним приблизились два мужа — ангелы — и спрашивают их: «Что вы смотрите? Сей Иисус, восходящий от вас на небо, таким же образом снова придет к вам, мужи Галилейские» (см. Деян. 1, 10-11). Можно представить, что эти слова значили для апостолов. Они с радостью пошли в Иерусалим. Им казалось, что пройдет день, два, три, может быть, неделя, месяц — и явится Спаситель. И в этом напряженном ожидании Господа проходят первые годы христианской общины...

Но для Бога тысяча лет как один день, и один день как тысяча лет (см. 2 Пет. 3, 8), и в этом ожидании Спасителя есть огромный смысл. Мы не знаем, сколько физического времени пройдет, сколько оборотов Земля совершит вокруг Солнца, прежде чем Господь приведет Свой замысел в исполнение. Да это и не важно, потому что у Бога нет времени. Но нам важно понимать, что мы живем

в преддверии Божественного Царства, и потому каждый должен готовить себя ко встрече со Спасителем. Это не означает, что каждый станет свидетелем Его второго пришествия, ибо никто не знает, когда это произойдет. Но ведь каждый из нас, переступив черту жизни и смерти, лицом к лицу предстанет Богу. Это и будет для нас Его второе пришествие. И потому надежда святых апостолов, их радость о скорой встрече с Господом не была посрамлена: они очень скоро увидели Господа, жизнь свою отдав за Него и за проповедь Евангелия.

И если вся наша жизнь будет строиться в этой перспективе, если мы научимся взирать на историю не глазами свидетелей скоропреходящих моментов человеческой истории, если мы воспитаем в себе духовный взгляд, который, пронизывая толщу веков, уходит в вечность, тогда мы поймем, что уже наступают эти святые времена — для каждого из нас, кто предстанет пред Богом после своей смерти.

Некоторые люди, даже признавая то, что Бог есть, не спешат прийти в храм, не спешат раскаяться в своих грехах, не спешат переосмыслить свою жизнь, чаще всего ссылаясь на то, что есть еще время, и рассуждая примерно так: «Я еще успею. Конечно, нужно покаяться, конечно, нужно изменить свою жизнь — ведь нельзя же всегда жить так, как я живу сейчас; но еще есть время, и к тому же так много дел — нужно сделать и одно, и другое, и третье...»

Никто не знает и никто не может знать, в какой момент мы предстанем пред Господом. Поэтому жить надо так, чтобы в любой момент можно было порадоваться встрече со Спасителем, а не напугаться насмерть и понять, что жизнь закончилась и все проиграно, все время ушло в пустоту и суету, и главное не сделано... Нужно обязательно жить так, чтобы встреча с Господом была для нас такой же радостью, как для святых апостолов, помнивших слова ангелов на Елеонской горе.

Праздник Вознесения — это праздник эсхатологический, он относит нашу мысль в будущее. Но одновременно этот праздник очень личный, потому что он касается не только человеческой цивилизации, не только всего мира, но и каждого из нас. И именно в этот день, как, может быть, ни в один другой день года, мы должны подумать о своей жизни и о своей смерти, о своем предстоянии Богу и о суде над нами. И если эти мысли будут не просто по случаю приходить к нам в голову и тут же улечиваться, а повлияют на формирование нашего мировоззрения и образа жизни, тогда мы повторим ту жизнь, какую жили святые апостолы, с радостью ожидая пришествия в мир Спасителя. Аминь.

Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Вознесения 2010 года

ВНУЧОК, не потеряй всё то, за что я проливал кровь

Не так часто в метро, особенно в утренние часы, испытываешь радостное волнение. Обычно все бывает наоборот. Люди спешат на работу, на учебу. Не до сантиментов. Чтобы сесть, нужно особенное везение, если ты, конечно, не беременная старушка инвалид. Именно так, без запятых.

Чтобы оказаться на заветной скамейке, необходимо быть сразу в этих трех ипостасях. По отдельности они не работают. Да и трудно в толпе разглядеть будущую маму, если только она не на последнем месяце, хромящего дядьку, если он не на костылях.

Но этого человека увидели все.

Он вошел в вагон, позванивая медалями, которые не оставили на его пиджаке даже маленького просвета. Едва седовласый герой сделал шаг от дверей, со скамеек сорвались сразу несколько молодых и не очень пассажиров. Дед не стал садиться. Он стоял в разношерстной толпе, словно памятник. И вдруг две девчонки зааплодировали.

Их поддержали все, кто был рядом. Неожиданное чествование продолжалось до следующей остановки. Растроганный герой, оставшись на перроне, проводил уходящий поезд мокрыми от слез глазами и импровизированной честью — приложил ладонь к совсем неформенной шляпе.

Всего одну остановку — от «Кузнецкого Моста» до «Пушкинской» длилась эта сцена. Никто не успел спросить у орденосного деда ни имени, ни фамилии. Не успели поинтересоваться и тем, за какие подвиги страна отметила его столькими наградами. Был ли он коренным москвичом или приехал издалека на встречу с однополчанами накануне Дня Победы, никто так и не узнал.

Да и не так это важно. Случайная встреча в метро просто показала, что уважение к героям давно отгремевших сражений — вовсе не навязанная сверху акция.

В каждом из нас живет эта память. Может быть, потому тема Великой Отечественной не уходит с экранов, а «Землянку» и «Темную ночь» поют правнуки первых слушателей фронтовых песен.

Стихийная овация старому воину в метро была очень искренней. Надо было видеть лица пассажиров, оставшихся в вагоне. Все как будто подобрались разом и ехали дальше, улыбаясь друг другу, как старые знакомые, не обращая внимания на мелкие неудобства утренней толчеи.

Взято с сайта «Православие и мир»

Об этом потрясающем случае помнят в Жировицах, где в Успенском монастыре служит мой сын Петр.

Когда в Великую Отечественную войну немцы стояли в монастыре, в одном из храмов держали оружие, взрывчатку, автоматы, пулеметы. Заведующий этим складом был поражен, когда увидел, как появилась Женщина, одетая как монахиня, и сказала по-немецки:

— Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...

Он хотел Её схватить — ничего не получилось. Она в церковь зашла — и он зашёл за Ней. Поразились, что Её нет нигде. Видел, слышал, что зашла в храм, — а нет Её. Не по себе ему стало, перепугался даже. Доложил своему командиру, а тот говорит:

— Это партизаны, они такие ловкие! Если ещё раз появится — взять!

Дал ему двоих солдат. Они ждали - ждали и увидели, как Она вышла снова, опять те же слова говорит заведующему воинским складом:

— Уходите отсюда, иначе вам плохо будет...

И уходит обратно в церковь. Немцы хотели Её взять — но не смогли даже сдвинуться с места, будто примагниченные. Когда она скрылась за дверями храма — они бросились за Ней, но снова не нашли. Завскладом опять доложил своему командиру, тот ещё двух солдат дал и сказал:

— Если появится, стрелять по ногам, только не убивать — мы Её допросим.

Ловкачи какие! И когда они в третий раз встретили Её, то

Русская Мадонна

Образ Казанской иконы Божией Матери

начали стрелять по ногам. Пули бьют по ногам, по мантии, а Она как шла, так и идёт, и крови нигде не видно ни капли. Человек бы не выдержал таких автоматных очередей — сразу бы свалился. Тогда они оробели. Доложили командиру, а тот говорит:

— Русская Мадонна...

Так они называли Царицу Небесную. Поняли, кто велел им покинуть осквернённый храм в Её монастыре. Пришлось немцам убирать из храма склад с оружием.

Матерь Божия защитила Своим предстательством Успенский монастырь и от бомбежки. Когда наши самолёты бросали бомбы на немецкие части, расположившиеся в монастыре, бомбы падали, но не одна не взорвалась на территории. И потом, когда прогнали фашистов и в монастыре расположились русские солдаты, немецкий лётчик, дважды бомбивший эту территорию, видел, что бомбы упали точно, взорвались же везде — кроме монастырской территории. Когда война кончилась, этот лётчик приезжал в монастырь, чтобы понять, что это за территория такая, что за место, которое он дважды бомбил — и ни разу бомба не взорвалась. А место это благодатное. Оно намоленное, вот Господь и не допустил, чтоб был разрушен остров веры.

А если бы мы все верующие были, вся наша матушка Россия, Украина и Белоруссия — то никакая бы нас бомба не взяла, никакая! И «бомбы» с духовной заразой тоже бы вреда не причинили.

*Протоиерей Валентин Бирюков
«На земле мы только учимся жить.
Непридуманные рассказы»*

САША

Рассказ

С моими родителями у меня всегда был контакт великолепный: они меня воспитывали, а я не артачился. Странно только, отчего я папу лучше запомнил перед войной, а маму — после? Вот папина голова ко мне наклонилась, а я лежу как будто. Папа на меня смотрит. У него много чёрных волос на голове... А вот он на Костю сердится. Костя заплакал, и я заплакал. У Кости голос густой, как у папы. Тут пол уплыл от меня, я сразу стал выше стола и выше Кости, и комната уплыла за шкаф.

— Папу надо слушаться, — говорит мама. — Костя не слушался папу, вот папа и рассердился. — Костя был папиным племянником.

Однажды мы пошли с папой на Садовую сандалию мне покупать на лето и только что вернулись домой. Я сидел на своём стульчике посреди комнаты, а папа на большом стуле сидит, мою ногу высоко поднял себе на колено, сандалию мне надевает.

— Теперь сам, — говорит, — топни.

Тетя Поля в комнату к нам входит, соседка наша. Папа на неё смотрит. А она прямо к репродуктору, он на стене у нас висел, круглый такой, чёрный, мы его с Костей потом на магнит разобрали. Подходит, на цыпочки встала и вилку — в розетку...

— В чём дело, Поля? — папа спрашивает.

— Тише! — и палец к губам. — Молотов будет сейчас говорить. Не слышали? Кажись, война началась...

Потом папа с мамой и Костей — папа уже был в военной форме — навестили меня в Бронницах, куда наш детский сад выехал на дачу. Мы пошли в лес, выбрали поляну, папа расстелил плащ-палатку на траве, и мы сели. У папы, когда он сядил, на поясе сзади оттопырилась кобура с наганом. Он вынул его, разрядил обойму и дал нам потрогать, а Костя даже пощёлкал барабаном. Но мне тоже хотелось пощёлкать барабаном, как Костя. Поэтому немного погодя я сполз с плащ-палатки к папе за спину, пока он что-то рассказывал маме с Костей, снова расстегнул кобуру, двумя руками вытащил наган — наган теперь оказался что-то очень тяжёлым, попробовал курок. Курок не поддался. Тогда я зажал наган в коленях и, упершись животом в его прохладную шершавую рукоятку, снова налёг на курок, но тут папа оглянулся. Дуло, почти касаясь, смотрело в темные морщины его гимнастерки, выбившейся из-под ремня на бок. И почему он тогда сразу не забрал у меня наган? Потому что, чувствуя, что я сейчас уже с ним распрощаюсь, я из последних сил натужился, чтобы промять наконец неподдающийся курок под рукоятку, и пролетела, наверно, ещё секунда, прежде чем папа, откачнувшись назад и в сторону, мягко за дуло вывернул наган — дулом прочь от меня — из моих коленок...

Солдат царской армии
Иосиф Куликовский.
1 января 1917 года

Отца не должны были брать в армию из-за почечно-каменной болезни, и у него ещё с Гражданской не зажила сквозная пулевая рана на бедре. Но он рассудил, кому суждено — тот и в тылу погибнет, и через неделю после начала войны мама собрала его в военкомат, откуда всех мобилизованных, после торжественного заседания, посадили в грузовики и отвезли на вокзал. Отцу тогда было 44 года.

Майор Иосиф Валерьянович
Куликовский (в центре). 1942 год

Он два или три раза во время войны приезжал на несколько часов в Москву — проездом — и заезжал к нам. Однажды, это было весной, я почему-то в сад не пошёл, пускал в подворотне кораблики, как вдруг лифтёрша тетя Даша выглянула из подъезда:

— Саша, Сашок, ты что ж не слышишь? Отец приехал!

Я — к подъезду, тетя Даша ещё в проеме топталась, влево или вправо посторониться, впрыгнул по четырем ступенькам — мы жили на первом этаже — к парадному (дверь оказалась незапертой, и наша тоже полуоткрытой). С порога я увидел папу: он сидел вполборота у стола, облокотившись, ко мне голову повернул, в полевой гимнастерке, в погонах тёмно-зеленых, ремнях портупейных, такой-такой весь... На глаза мне будто слюда наехала полупрозрачная, все расплылось, я подбежал к нему и уткнулся лицом в его колени.

Потом я увидел на столе вещмешок.

— А там что?

— Смотри.

Папа встал, составил мешок на стул — тесёмку я уже сам разматывал, — в мешке оказался хлеб буханочный, ржаной, консервы, какао в кубиках...

— И ты это всё нам оставишь? — спросил я недоверчиво и, задрав голову, посмотрел вверх, на папу.

В нашей квартире, кроме тёти Поли, проживали ещё одни соседи, Харчияны. Их дверь приходилась как раз напротив нашей, через переднюю, слева от парадного. Въехали они к нам в начале войны в освободившуюся комнату, и в тот же вечер я впервые увидел нашего управдома, который пришёл к Харчиянам на новоселье.

Супруги Харчияны — Нарсес Сергеевич и Елена Владимировна — оказались довольно энергичными, предприимчивыми квартиросъемщиками. Уже на другой день после их поселения наш общий кухонный стол-холодильник и почтовый ящик на парадной двери очутились под висячим замком. На своей двери Нарсес Сергеевич приколотил кнопками объявление, чтобы за ключом не стучались когда попало, а только в дозволенные часы, обусловленные жёстким режимом кормления и сна их годовалого сына Гарика, а также потребностью в отдыхе самой Елены Владимировны, двадца-

тидвухлетней красавицы, тоже каких-то восточных кровей, предки которой как будто восходили к знатному татарскому роду времён хана Батия.

Елена Владимировна была сущим сокровищем у Нарсеса Сергеевича, и тот берёт её как сокровище. До глубокой ночи ей приходилось принимать гостей — Нарсес Сергеевич в то время ещё не имел законченного семилетнего образования, и ему, при всей его природной оборотистости, нелегко досталась должность заведующего продуктовым отделом ОРСа, которой он не без деятельного участия красавицы супруги добился, однако, уже в начале сорок второго года. Одной только посуды целые груды, бывало, скапливались у них на кухне к утру, к приходу Манефы Юрьевны, матери Елены Владимировны. Она не жила в нашей квартире постоянно, будучи прописана где-то на Смоленской, но ежедневно приходила с утра пораньше, чтобы успеть подать Нарсесу Сергеевичу завтрак, и поздно вечером, уложив Гарика и приготовив стол для гостей, уходила. Левая нога у Манефы Юрьевны волочилась, и левая же рука, тоже вполчину бездействующая, была всегда в горизонтальном положении, хотя и согнутая в локте, чтобы не цеплялась за стену длинного полутёмного коридора, ведущего из передней на кухню. Тем не менее она одна управлялась по хозяйству, оберегая покой Елены Владимировны, обычно до обеда почивающей, отчего вполне резонно полагала, что ест тут дочерний хлеб не даром.

Как-то раз я остался дома один. Мама с Костей ушли на работу: мама — в наркомат боеприпасов, Костя — в ремесленное училище, а тетя Поля вовсе не ночевала дома, она через сутки дежурила в госпитале санитаркой. Елена же Владимировна ещё не вставала, и на кухне, таким образом, хозяйничала одна Манефа Юрьевна. Но вот и она засобиралась куда-то. В магазин, что ли? Я побыстрому заперся на крючок и, всё ещё не слезая со стула, слушаю через дверь. Вот она надела в передней пальто, погремела ключами, застегнулась и, как я и ожидал, вместо того чтобы сразу открыть парадное и идти себе в магазин или ещё там куда, — через всю переднюю направляется к нашей двери.

— Саша? — позвала она вполголоса. — Потянула дверь. — Саша!

Я смотрю на вертикальную полоску тени между косяком и дверью, как она то сужается, то расширяется.

— Что он там, спит? — недоверчиво бормочет Манефа Юрьевна. Отходит.

Слышу, ковыляет назад, открыла парадное, закрыла. Но я дождался, когда и внизу, в подъезде, тоже хлопнула дверь, только тогда откинул крючок, слез со стула и высунулся в коридор. Затем, избегая ступать на скрипучие паркетины, прокрался на кухню — так и есть! В широкой плоской сковородке — я уже хорошо изучил эту чёрную их чугунную сковородку с такими же чёрными, никогда не счищаемыми, солоноватыми на вкус пригарками снаружи по ободку, — в этой сковороде тихо шипела, поджариваясь на медленном огне, сырая картошка, порезанная мелкими ломтиками, видневшимися из-под неплотно прилегающей крышки...

Не притрагиваясь к крышке, чтобы случайно не звякнула, я двумя пальцами осторожно вытянул из-под неё свисавший через край тоненький подрумяненный ломтик, в виде лодочки, с загнутыми в дужку коричневыми концами. «Всё равно он почти сам уже опрокинулся и всё равно, что упал», — подумал я, отправив его в рот, надкусил, но дальше ломтик

вдруг с хрустом рассыпался во рту и растаял, я даже вкуса его не распробовал, так что волей-неволей пришлось потянуть со сковороды ещё такую же лодочку...

И вот я снова сижу у себя за шкафом на стульчике и икаю, засунув руки в карманы галифе. Эти галифе мама сама мне сшила из старой папиной гимнастерки, и они получились, как настоящие: сверху широкие, в карманах, а книзу сужающиеся, и там на пуговицах. Я вытянул ноги вперед и смотрю на свои галифе. Дверь снова на крючке, но я всё равно дрожу, точно от холода, даже зубы во рту жужжат, как пойманная стрекоза, и икаю.

Вдруг слышу, дверь Харчиянов взвизгнула. Вышла Елена Владимировна в мягких тапочках. По скрипу половиц слышу — идет по коридору. На кухню зашла. Потом назад возвращается. Дверь опять взвизгнула, и все снова стихло.

Но вот, слышу, в парадном ключ заскрежетал в замке. Поворачивается раз, ещё раз. Манефа Юрьевна порог переступает — и тотчас, слышу, Елена Владимировна ее из комнаты окликает, и Гарик заплакал, как со сна. Манефа Юрьевна — в комнату, но тут же назад, в коридор, наверняка в пальто еще, бегом на кухню, скобля ботом по паркету, и вот вприпрыжку летит обратно и прямо к нашей двери.

— Сашка! Открой сейчас же, бандит! — Здоровой рукой она дергает за ручку, вот-вот крючок сорвет, другою, вероятно, локтем, дубасит в дверь. — Ты слышишь или нет! Сию минуту отпорись! Сейчас матери на работу позвоню, и пусть отцу на фронт сообщат... Откроешь или нет?!

— Сейчас, тётя Мань, открываю. — Выхожу из-за шкафа, подставляю стул, крючок отнимаю — дверь распахнулась.

— Ты один? — Манефа Юрьевна, как есть, в пальто, боком протиснулась, оглядела комнату, за шкаф заглянула, и ко мне: — Ты картошку съел со сковороды? Врешь! А ну, покажи руки!

— Не ел я. — Слезаю со стула, показываю. Все равно я их уже о галифе вытер. — Вот, чистые. — У! Пар-шивец!..

Но я нагнулся, и она мне только чуть-чуть по макушке съездила ладонью, не больно.

— Ты хоть не руками ел? — Она наклоняется теперь ко мне, в лицо заглядывает. У нее рот перекошен на левый бок, парализованный, точно пополам улыбается, а глаза сердитые, в точку. — Ты хоть руками в сковородку не лазил? — повторяет.

— Не, — говорю, — не лазил.

— Ты вилок брал?

— Вилкой...

А вечером я во дворе гулял, мы с ребятами в колдунчики играли, и я водил, когда мама позвала меня. Она под аркой стояла в воротах. Подхожу — мама каким-то долгим незнакомым взглядом посмотрела на меня, молча повела домой.

В передней, когда мы вошли, Елена Владимировна перебирала вещи в тумбочке, у себя за шкафом.

— По головке, по головке его погладь, — сказала она, поворачиваясь к нам, — ворье проклятое! Один жулик, и этот такой же. Семейка!

Мы вошли в комнату. Мама первым делом зачем-то заперла дверь на крючок, скинула пальто. Затем, все еще ни слова не говоря, достала из шкафа широкий кожаный ремень, тот самый, на котором папа всегда, как бриться, накинув пряжку на оконный шпингалет, правил бритву, а я ещё держался за болтавшийся внизу свободный конец, сложила ремень вдвое и что есть духу — как хлопнет им о стол!

— А ты будешь?.. Ты будешь ещё?.. — вскрикивала мама страшным голосом, гоняясь за мною вокруг квадратного стола, стоявшего посреди комнаты, но почему-то никак не догоняя, несмотря на то, что я сам несколько раз врзался в маму и тотчас с воем кидался в обратную сторону, прочь от маминого топота и оглушающих, разрывающихся, как снаряды, совсем где-то рядом за моей спиной, слышных, наверно, на улице, хлопков толстого кожаного ремня по столу.

Нет, конечно же, я был неправ, когда сказал, что маму помню только после войны: с мамой и Костей мы ездили в эвакуацию в Челябинск! И вовсе неважно, что мы туда так и не доехали, а, покругив по Подмоскovie в товарном вагоне двое суток, благополучно вернулись назад, в Москву, и никуда уже больше с места не трогались всю войну. Зато эти слова «Челябинск» и «эвакуация» мне запомнились тогда на всю жизнь, так как слышались они со всех сторон, и по тому, как они произносились, в них чувствовалось что-то таинственное и тревожно-неотвратимое. Всем вроде и хотелось поскорее уехать, и вместе с тем никто почему-то не радовался, что едет наконец в эту самую «эвакуацию в Челябинск».

Мама с чемоданом в одной руке, другою держит меня за руку. У Кости тоже чемодан и ещё сумка. Мама говорит:

— Стойте теперь, никуда не уходить! — И сама уходит. Мы с Костей садимся на чемоданы. Потом мама пришла, повела нас к вагону. Вагон большой, чёрный, и внутри — видно через широкую дверь посередине — тоже чёрный, неприступный...

Но вот мы уже в вагоне. Женщины в платках, почти одни женщины, и все как на одно лицо. Кто сидит, кто стоит. Этих мотает из стороны в сторону. По углам кое-где свечи горят в стаканах, и на потолке тени мечутся чёрные, косматые...

Мы едем с частыми остановками. На остановках многие выходят размяться, и мы выходим, и один раз даже видели воздушный бой. Наш «ястребок» бился с двумя «мессершмитами». Сбил одного, тот задымил, задымил красиво так маслянисто-черным дымом и за лесом грохнулся. А другою нашего «ястребка» сбил и улетел. «Ястребок» тоже задымился и тоже за лесом упал. Мы все в вагон полезли. Женщины плакали: «Что ж он, родненький, злодея-то не увидел!» — и крестились при этом мелко и часто...

Странно как-то всё же говорить о войне теперь, после самой войны, после всего, что совершилось за эту войну, и что должно было совершиться, но не совершилось. После того, как отцы наши давно вернулись с фронта домой и как они не вернулись. После того, наконец, как все мы: кто хоть одним глазком успел заглянуть ей в лицо,

а кто не успел — прочел о ней в истории, услышал из рассказов старших или посмотрел в кино. Очень странно после всего этого даже пытаться теперь что-либо нового сказать об этой войне, — когда сам я гранаты метать научился только в институте на занятиях по военному делу, а живых немцев впервые увидел тоже только в сорок четвертом у нас на Садовой, уже пленных... Потом-то, правда, я видел их сколько хотел через щели в глухом заборе в Ермолаевском переулке, где они строили теперешний четырёхэтажный «генеральский» особняк с двумя львами у фасада, на месте шестизэтажного кирпичного дома, который разбомбило зимой сорок второго, ночью. У нас ещё от взрывной волны стекла повывлетали — спасибо, мама в самом начале воздушных налетов проклеила их крест-накрест, а шкаф догадалась придвинуть вплотную к окну, чтобы в нас никого осколки не попали...

Хотя, с другой стороны, кто знает, было ли и тогда что-либо странного вот в этих перекрещенных окнах, всегда одинаково черных и днем и ночью, тщательно занавешенных изнутри (у кого не имелось специальных плотных штор — нацепляли байковые одеяла или еще что-нибудь из тряпья, по несколько раз за вечер выбегая на улицу взглянуть, как, не пробивается ли где-нибудь свет в щель, и своевременно поправляя светомаскировку, не дожидаясь, когда в квартиру постучится управдом или — еще хуже — участковый милиционер с проверкой документов); в этом протяжно нарастающем, точно из-под земли, вое сирены воздушной тревоги, по которому утром ли, вечером мы спускались в бомбоубежище (оно находилось в нашем же доме, только вход со двора, а ночью мама сонного меня переключивала в Костину постель, а сама пристраивалась поперек у нас в ногах, чтобы в случае прямого попадания ни ей одной, ни нам без нее — никому порознь не оставаться); в этом громоподобном, раскатистом — даже по нашему дребезжащему репродуктору — голосе Левитана, начинавшего всегда с одного и того же: «От Советского Информбюро...», перекрываемом, однако, залпами зениток и разрывами бомб, от которых пол содрогался, а стены и потолок покрылись трещинами; в этих тревожно мечущихся по затемненному небу ослепительных вспышках прожекторов — девятого ведь мая сорок пятого года такие же в точности гуляли в небе, было так же светло от них кругом, если не еще светлее, оттого что мы, ребята, протиснулись тогда к самым прожекторам, — они стояли у нас на Маяковке, на площади, — заглядывали через выпуклое стекло в электрическую дугу и удивлялись, отчего ж это глазам не больно с такой близости, а солдаты-прожектористы не отгоняли нас, они были веселые и добрые, шутили и смеялись, и кругом слышался смех, и слышались снова залпы, и в небе, сплошь изрешеченном замершими на миг голубоватыми стрелами прожекторов, снова и снова вспыхивали, надолго зависая в воздухе, разноцветные гроздьи салюта...

Кто его знает, было ли что странного тогда во всем этом?

Протоиерей Борис Куликовский

Окончание в следующем номере

Главный редактор настоятель Богородицерождественского храма
протоиерей Борис Куликовский

Ответственный редактор газеты:
Светлана Попова

Верстка: Александр Опалев

Корректоры: Людмила Суркова, Татьяна Хохлова

Адрес редакции: 141080, г. Королёв,
Московская область, ул. Калининградская, д.1.
Тел.: (498) 602-91-80. www.hramvkostino.ru

Подписано в печать: 14.05.2012

Отпечатано в ООО «Издательский дом «Космос». 141070 г. Королёв,
Калининградский проезд, д.1.
Заказ №326 от 14.05.2012. Тираж 300 экз.
Объём 1 п.л. Печать офсетная.

Банковские реквизиты:

ИНН 5018023872 КПП 501801001
Получатель: Богородицерождественский храм
ОСБ 2570 г. Королёв
Банк получателя:
Сбербанк России г. Москва
р/с 40703810240170100159
к/с 30101810400000000225
БИК 044525225

Газета издается
с ноября 2008 г.

Не используйте это издание в бытовых целях и не выбрасывайте его. Если этот номер вам стал не нужен, подарите его или принесите в храм.